

Содержание

Алена Исахания. Слово Евсевия «О сошествии Иоанна Предтечи во ад». <i>Краткая и пространная редакции</i>	3
Михаил Люстров. Лапландско-мальтийская война и королевская игра «копием». <i>Текстуальные трансформации в русских переводных повестях XVII–XVIII веков</i>	11
Константин Лаппо-Данилевский. Федор Корбя — поэт, шпион, филолог и дипломат	19
Олег Заславский. Заколдованное место как пространство смерти	43
Пуя Vinitsky. Dostoyevsky Misprisoned. « <i>The House of the Dead</i> » and American Prison Literature	54
Ольга Макаревич. «Слуги старого века» в произведениях И. А. Гончарова и Н. С. Лескова	77
Александра Чабан. Итоги рецепции русской поэзии 1900 – начала 1910-х годов в «Стихах Нелли»	94
Елена Глуховская. Меланхолический романтик русского символизма. <i>Автобиографический миф Эллы в эпистолярных и поэтических текстах 1912 года</i>	109
Валерий Отяковский. Из полемики вокруг формализма. <i>К. Шимкевич о «Литературном факте» Ю. Тынянова</i>	130
Лада Панова. <i>Внутри горы бездействует... подтекст? К разгадке мандельштамовского кумира</i>	148
Александр Кобринский. Маяковский и прочие. <i>Круг контактов и общения Даниила Хармса во второй половине 1920-х годов</i>	188
Валентин Головин. «Квакинский» вопрос в повести А. Гайдара «Тимур и его команда»	205

Тираж 500 экз.

Редакция:

А. Ю. Балакин, Е. А. Глуховская,
А. А. Кобринский (главный редактор),
О. В. Макаревич, А. С. Пахомова, А. А. Чабан

Адрес редакции:

191036, Санкт-Петербург, 1-я Советская ул., д. 10, лит. К.
Тел. (812) 449-52-50. E-mail: summerschool@list.ru

2020 XVI (1-2)

ЛЕТНЯЯ ШКОЛА ПО РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ

Летняя школа по русской литературе

международная летняя школа
по русской литературе

Выходит 4 раза в год
Редакционный совет:

Проф. А. А. Кобринский (Санкт-Петербург, Россия), председатель
К. ф. н. А. Ю. Балакин (Санкт-Петербург, Россия)
Проф. И. Ю. Виноцкий (Принстон, США)
Проф. А. А. Долинин (Мэдисон, США)
Проф. А. К. Жолковский (Лос-Анджелес, США)
Д. ф. н. К. Ю. Лаппо-Данилевский (Санкт-Петербург, Россия)
Проф. М. Ю. Люстров (Москва, Россия)
Г. В. Обатнин, PhD (Санкт-Петербург, Россия / Хельсинки,
Финляндия)

<http://schoolsummer.jimdo.com>

Свидетельство о регистрации средства массовой информации
ПИ № ФС 77 – 63198 от 1 октября 2015 года
Индекс по каталогу подписки «Урал-пресс»: ВН017186
ISSN 2587-8190 = Letnää škola

С 30 ноября 2017 года журнал включен в Перечень рецензируемых научных изданий ВАК, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук.

© Авторы статей, 2020
© «Летняя школа по русской литературе», 2020

Contents

Alena Isakhanyan. Eusebius's homily <i>On the Descent of John the Baptist into Hell</i> . A short and a long version	3
Mikhail Ljustrov. Lapland-Maltese war and the royal game with a spear. Textual transformations in Russian translated novels of the XVII–XVIII Centuries	11
Konstantin Lappo-Danilevskii. Theodor Corbea – Poet, Spy, Philologist, Diplomat	19
Oleg Zaslavskii. Bewitched place as a Space of Death	43
Ilya Vinitzky. Dostoyevsky Misprisioned. <i>The House of the Dead</i> and American Prison Literature	54
Olga Makarevich. Servants of an Old Age in the works of I. A. Goncharov and N. S. Leskov	77
Alexandra Chaban. The results of the reception of russian poetry 1900 – early 1910s in Nelly's poems	94
Elena Glukhovskaya. Melancholy romantic of Russian symbolism. Ellis's autobiographical myth in epistolary and poetic texts of 1912	109
Valerii Otiakovskii. From discussions around Russian formalism. Konstantin Shimkevich about <i>Literary fact</i> of Yuri Tynianov	130
Lada Panova. <i>Inside the Mountain Idles...</i> the Subtext? Figuring out Mandel'shtam's <i>Idol</i>	148
Aleksander Kobrinsky. Mayakovsky and others. Daniil Kharm's circle of contacts in the late 1920s	188
Valentin Golovin. «Kvakin» question in the story of A. Gaidar <i>Timur and his Squad</i>	205

Editorial Board:

Alexey Balakin, Aleksandra Chaban, Elena Glukhovskaja,
Alexander Kobrinsky (Chief Editor),
Olga Makarevich, Aleksandra Pakhomova

Editorial address:

191036, St.-Petersburg, 1st Sovetskaya ul., 10, lit. K.
Phone number: (812) 449-52-50. E-mail: summerschool@list.ru

ОЛЕГ ЗАСЛАВСКИЙ
(Харьков)

ЗАКОЛДОВАННОЕ МЕСТО КАК ПРОСТРАНСТВО СМЕРТИ

В статье предлагается анализ повести Н. В. Гоголя «Заколдованное место» как целостного произведения. Устанавливается, что заколдованное место обладает свойствами, несовместимыми с проявлениями жизни, а также в концентрированном виде содержит особенности, свойственные миру повести в целом: с ним связаны мотивы деидентификации, неопределенности, отсутствия и пустоты. Кроме того, в «Заколдованном месте» присутствует мотив слабого слова, бессильного против козней нечистой силы. На явную фантастику в повести накладываются элементы завуалированной — явления, которое в полной мере развернется в последующем творчестве Гоголя.

Ключевые слова: Н. В. Гоголь, «Заколдованное место», деидентификация объектов, художественное пространство, неявная фантастика, звукословесные лейтмотивы в прозе

Информация об авторе: Олег Борисович Заславский, доктор физ.-мат. наук, ведущий научный сотрудник Харьковского национального университета им. В. Н. Каразина. Харьков, Украина.

E-mail: zaslav@ukr.net

Bewitched Place As A Space Of Death

We suggest analysis of Nikolay Gogol's "Bewitched place" as a whole literary work. The bewitched place possesses features incompatible with the manifestations of life. Also, it contains in a concentrated form properties inherent to the whole world of "Bewitched place". This includes motifs of de-identification of objects and of uncertainty as well as emptiness and absence. "Bewitched place" contains such peculiarities of Gogol's poetics that will unfold in his further creation: elements of implicit fiction, motifs of emptiness and weak word, helpless against evil spirits.

Key words: Nikolay Gogol, "Bewitched place", de-identification of objects, artistic space, implicit fiction, semantic-sound leitmotifs in prose

About the author: Oleg Zaslavskii, Doctor of of Physico-Mathematical Sciences, senior scientific researcher at V. N. Karazin Kharkov National University. Kharkov, Ukraine.

E-mail: zaslav@ukr.net

ПРЕДВАРИТЕЛЬНЫЕ ЗАМЕЧАНИЯ

В «Заколдованном месте» (далее ЗМ) проявляют себя такие значимые для художественного мира Гоголя фундаментальные категории как свойства художественного пространства,¹ взаимодействие реального и фантастического миров,² особенности нечистой силы.³ Однако работы, специально посвященные исследованию этого произведения, практически отсутствуют, и дело в основном ограничивается краткими обсуждениями или упоминаниями ЗМ в более широком контексте. В данной работе, которая специально посвящена ЗМ, мы попытаемся отчасти восполнить это пробел и предлагаем анализ произведения как единого художественного целого.⁴ Мы начнем с обсуждения ключевых для ЗМ мотивов деидентификации, неопределенности и стирания признаков объектов.

ДЕИДЕНТИФИКАЦИЯ КАК ОБЩЕЕ СВОЙСТВО ЗМ

В произведении действует тенденция к размыванию идентичности. В начале повести описывается, как в детстве герой скачет на четвереньках и лает по-собачьи, а отец в ответ его упрекает: «Эй, Фома, Фома! тебя женить пора, а ты дуреешь, как молодой лошак!» (309). Здесь присутствует сразу целый ряд несоответствий, разрушающих идентичность героя. Одно из них касается путаницы с поколениями, причем путаницы двойной: с одной стороны, упрек состоит в том, что герой ведет себя не подобающим его возрасту образом, с другой — «правильная» идентификация возраста («женить пора») сама является неадекватной, так как герой — еще ребенок. Другие несоответствия затрагивают

¹ Лотман Ю. М. Проблема художественного пространства в прозе Гоголя // Лотман Ю. М. Избранные статьи: В 3 т. Таллинн, 1992. Т. 1. С. 420–421.

² Манн Ю. В. Творчество Гоголя: Смысл и форма. СПб., 2007. С. 64, 123. См. также раздел «Реальное и фантастическое» (С. 54–116) в целом.

³ Вайскопф М. Я. Заколдованный дед // Вайскопф М. Я. Сюжет Гоголя: Морфология, идеология, контекст. 2-е изд., испр. и расшир. М., 2002. С. 180–183.

⁴ Цитаты из ЗМ даются по изданию *Гоголь Н. В.* Полн. собр. соч.: [В 14 т.]. [М.; Л.], 1940. Т. 1 с указанием номера страницы в круглых скобках в тексте.

принадлежность к виду живых существ: человек представляет себя собакой, но его за это называют лошадью. Свой возраст герой сначала указывает вполне определенно, а потом от этой определенности отказывается: «Всего мне было лет одиннадцать; так нет же, не одиннадцать» (309). Эффект получается двойным: неясно, так сколько же лет было герою — одиннадцать или нет (а если нет, — то сколько именно), и кроме того в реплике сочетаются утверждения, прямо противоречащие друг другу. О семейном окружении герой говорит так: «Нас осталось: дед, мать, я, да брат, да еще брат» (310). Повтор слова «брат» без конкретизации создает впечатление обезличенности как самостоятельного признака.

В последней, а потому композиционно выделенной фразе произведения также говорится о путанице с идентичностью: «Засеют как следует, а взойдет такое, что и разобрать нельзя: арбуз — не арбуз, тыква — не тыква, огурец — не огурец... чорт знает, что такое!» (316): здесь эта путаница прямо связывается с чертом.

Показательна в данном отношении и сцена в лесу при попытке достать клад. Дед достает табак, но чихает кто-то другой — пользователя табака кто-то как бы подменяет, в этом смысле его «идентичность» нарушена. Потом начинает размываться и субъект речи: слова героя начинают повторять двойники — птичий нос, баранья голова, медведь. Причем баранья голова оказывается в совершенно не подходящем для барана месте — на дереве (причем на его верхушке), т. е. идентичность дополнительно подрывается и здесь.

Вместо драгоценностей нечистая сила подсовывает мусор. Такая ситуация встречалась и в «Вечере накануне Ивана Купала»: «Кинулись к мешкам: одни битые черепки лежали вместо червонцев» (150). Но в ЗМ подмена объекта сопровождается также смазыванием признаков и созданием неопределенности — обнаруженные в горшке предметы не называются прямо: «Что ж бы, вы думали, такое там было? Ну, по малой мере, подумавши хорошенько, а? золото? вот то-то, что не золото: сор, дряг... стыдно сказать, что такое» (315).

Одной из особенностей заколдованного места является то, что «в нем как бы пересекаются волшебный и обыденный миры. Вступивший на него получает возможность перехода из одного в другой. Эти миры очень похожи, но сходство их лишь внешнее: сказочный мир как бы *притворяется* обыденным, надевает его маску».¹ Но это — не что иное, как еще одно проявление мотива неопределенности и деидентификации: реальность перестает быть однозначной и раздваивается. Субъективная неуверенность героя, попавшего в волшебный мир («место, кажись, не совсем знакомое» (311)) можно трактовать как еще одно проявление общего свойства неопределенности художественного мира ЗМ.

МОТИВ ОТСУТСТВИЯ

Заколдованное место выделяется на общем фоне отсутствием характерных признаков, неопределенностью, причем эта неопределенность носит общий характер и относится к самым разным объектам и их свойствам. На нем ничего не растет; это — гладкое место рядом с грядкой с огурцами (ср. с ролью гладкого места в повести «Нос»). Когда герой через посредство заколдованного места попадает в иной мир, то прежде всего обнаруживает там отсутствие конкретных черт: «Оглянулся: ни баштану, ни чумаков, ничего; назади, впереди, по сторонам — гладкое поле» (311). Когда дед отправляется на поиски, «Месяца не было; белое пятно мелькало вместо него сквозь тучу» (312).

Стирая свойства, это место выталкивает все жизнетьворящее. На нем ничего не растет, там невозможен танец — одно из проявлений народной стихии. Помои — конечный результат жизнедеятельности — попадают в деда после возвращения из того пространства, куда он попал в результате контакта с заколдованным местом. Совершается попытка засеять это место, но ничего в результате не получается: «Засеют как следует, а взойдет такое, что и разобрать нельзя» (316). Соответственно, решение героя по поводу дальнейшего использования этого места вполне адекватно его подлинной

---

¹ *Лотман Ю. М.* Проблема художественного пространства в прозе Гоголя. С. 420; выделено автором. — *О. З.*

природе: он «то проклятое место, где не вытанцовывалось, загородил плетнем, велел кидать всё, что ни есть непотребного, весь бурьян и сор, который выгребал из баштана» (315–316).

Когда дед возвращается из фантастического неродящего пространства в обыденное, то границей между ними выступает попов огород (левада), т. е. место, где произрастают растения: «подумал дед: „что это попова левада? Вот и плетень его! теперь и версты нет до баштана» (312), «как добежал до попова огорода, тогда только перевел немного дух» (315). Характерно, что в описании второго визита к месту с гумном и голубятней о поповой леваде не упоминается вообще: в этот раз перемещения деда совершались исключительно в обыденном пространстве, поэтому ее пограничная функция осталась неактуальной.

Указанные свойства заставляют считать *заколдованное место элементом пространства смерти*. Важно то, что принадлежность миру смерти не ограничивается иным, потусторонним миром — его проявления и общие структурные принципы присутствуют и в пространстве обыденном.

Связанный со смертью мотив окончания (с которым сочетается и мотив отсутствия) выражает себя также и на метатекстовом уровне: «Заколдованное место» является последним в цикле «Вечерв»¹.

ПРОБЛЕМА ПОТОМСТВА

Мотив отсутствия произрастания и производительности проявляет себя также по отношению к людям и нечистой силе. Вот пожелания героя черту: «чтоб еще маленьким издохнул, собачий сын!» (311), «А чтоб ты, проклятый сатана, не дождал детей своих видеть!» (313). Причем далее герой упоминает уже собственную старость: «вот на старость надедал стыда какого!» (311). На вопрос «а куда тебя, дед, черти дели сегодня?» (312) дед отвечает внуку: «не спрашивай, Остап; не то — поседеешь!» (312). Такой скачок из детства

¹ О противопоставлении мотивов сеяния и пустоты и связи последней с нечистой силой бегло упоминается в книге *Ицук-Фадеева Н. И.* Все / всё в повестях Н. В. Гоголя: От слова к образу мира. М., 2014. С. 108.

прямо в старость является тем более значимым, что в начале отец говорит герою, что его «женить пора». Воображаемая опасность или желаемое наказание состоят, таким образом, в невозможности оставить потомство (мотив, также бывший одним из центральных в «Страшной мести»).

В данном контексте становится содержательным и то обстоятельство, что рассказчиком является старик, который на момент событий был ребенком. Соответствующий ряд поколений оказывается неполон. В нем отсутствует активное среднее звено, которое как бы элиминируется из текста: отец (т. е. носитель производительной силы) отправляется в Крым продавать табак.

Сочетание младенчества и старости в пределе дает сочетание жизни и смерти — этот мотив находит и лексическое выражение. Предполагаемый клад находится на могиле, причем 4 раза употребляется уменьшительное «могилка» (как бы детский вариант), и только 2 раза — «могила». Когда же дед отваливает с нее камень, то упоминает жизнь: «Теперь живет пойдут дело» (313–314). Как известно, ничего из этого не получилось: жизнь не может восторжествовать в пространстве смерти.

ПРОСТРАНСТВО, ЖИЗНЬ И СМЕРТЬ

Особенности художественного пространства — одно из наиболее ярких свойств данного произведения. К уже известным наблюдениям на этот счет¹ мы хотим добавить ряд других.

То, что ноги на заколдованном месте не танцуют, означает лишение признака, характерного для стихии народного танца, объединяющего коллектив: поэтому в соответствующем участке пространства активизируются силы, связанные с пустотой и отсутствием. Можно привести схожий эпизод из повести «Вий». Когда Хома подпал под власть ведьмы, он почувствовал оцепенение: «Философ хотел оттолкнуть ее руками, но к удивлению заметил, что руки его не могут приподняться, ноги не двигались, и он с ужасом увидел, что

¹ *Лотман Ю. М.* Проблема художественного пространства в прозе Гоголя. С. 413–447.

даже голос не звучал из уст его: слова без звука шевелились на губах». ¹ Мир смерти вторгается в обычный мир: в ЗМ аналогичным образом происходит функциональное превращение ног в деревянные: «ноги, как деревянные, стали» (314) — на заколдованном месте ноги стали неживыми. В этом смысле ЗМ и соответствующую сцену неудавшегося танца следует включить в ряд сцен окаменения, встречающихся в других произведениях Гоголя. ² В некоторых из них нечистая сила присутствует явно (как в «Вие» ³), в других — в качестве неявной (завуалированной) фантастики. ⁴

Пустота, свойственная миру нечисти, отличается от «нормальной» пустоты в обыденном пространстве. Чумаки делают дырочку в дыне, чтобы выпить сок. Дырочка в дыне — это пустота, через которую высасывается мякоть; она проявляет себя через отсутствие вещества и представляет собой элемент обыденного мира. В то же время пустота на грядке, соответствующая заколдованному месту, — это нечто самостоятельное, отдельное от обычного мира, — это другой мир со своими собственными закономерностями.

МЕЖДУ ГУМНОМ И ГОЛУБЯТНЕЙ

Невозможность увидеть одновременно голубятню и гумно — это свойство именно обыденного мира; увидеть и то и другое оказывается возможным лишь в волшебном мире, куда герой попадает через заколдованное место. Кажется бы, именно свойство волшебного пространства должно было быть представлено в произведении как нечто необычное, нарушающее норму. Однако в повести происходит наоборот. После первого попадания в волшебное пространство через заколдованное место, на другой день дед отправляется на поиски клада обычным путем. При этом оказывается, что пространство ему как бы мешает: он не может найти точку, в которой одновременно видны и голубятня и гумно, и слоняется туда-сюда. На фоне предыдущего совмещения такое

¹ Гоголь Н. В. Полн. собр. соч. Т. 2. С. 185.

² Манн Ю. В. Творчество Гоголя: Смысл и форма. С. 408–421.

³ Заславский О. Б. Зло в «Вие»: Структура мира и структура текста // Известия РАН. Серия литературы и языка. 2018. Т. 77. № 5. С. 37–51.

⁴ Манн Ю. В. Творчество Гоголя: Смысл и форма. С. 63–73.

исчезновение общей точки обзора выглядит как необъяснимое и заставляет видеть здесь проявление козней нечистой силы: «Побежал снова к гумну — голубятня пропала; к голубятне — гумно пропало. „А чтоб ты, проклятый сатана, не дождал детей своих видеть!“» (313).

Нормы обыденного пространства, где, казалось бы, не происходит ничего особенного, начинают восприниматься героем (а вместе с ним и читателем) как свойственные нечистой силе. Все это выглядит так, будто в самый обычный мир вдруг действительно вторглись фантастические силы — предвестие завуалированной фантастики.¹

ЗВУКОВЫЕ ЛЕЙТМОТИВЫ

Голубятня и гумно проявляют себя в произведении не только в связи с особенностями пространства. В контексте произведения становится значимой и семантическая связь между ними: голуби клюют зерно, а на гумне зерно хранится (или же его там молотят). В обоих случаях речь идет о зерне (символе жизни), уже погибшем или погибающем. При поиске клада первым среди представителей нечисти клюет котел именно птичий нос, и он же первым дублирует слова героя: «А, *голубчик*, вот где ты!» (314). Это сочетание несколько раз появляется в произведении. Помимо голубятни и примера с «голубчиком», можно указать, как дед начал «приголубливать чорта» (311) нехорошими словами — думая, что обнаружил клад, дед говорит себе: «а он тут и лежит, голубчик!» (312). Кроме того, это слово присутствует и в виде анаграммы: перед тем, как отправиться на поиски, дед выпил сировцу и «утер ГУБы поЛюю». Подобным же образом проявляет себя и слово «гумно»: когда дед издает «Гм», медведь откликается на это ревом «Гум!», что представляет собой первую часть слова «гумно».²

Звукосмысловая игра проявляет себя в ЗМ и в других случаях. Когда дед угощает чумаков, он в качестве угощения

¹ Манн Ю. В. Творчество Гоголя: Смысл и форма. С. 63–73.

² Звукосмысловые лейтмотивы и анаграммы в «Вечерах» присутствуют и в «Пропавшей грамоте». См.: Заславский О. Б. Слово и сюжет в «Пропавшей грамоте» Н. В. Гоголя // Сюжетология и сюжетография. 2018. Т. 83. № 1. С. 105–120.

дает им дыни: «Вот каждый, взявши по дыне, **обчистил** ее **чистенько** ножиком (калачи все были тертые, мыкали не мало, знали уже, как едят в свете; пожалуй и за панской стол, хоть сейчас, готовы сесть), **обчистивши** хорошенько, проткнул каждый пальцем дырочку, выпил из нее кисель, стал резать по кусочкам и класть в рот» (311–312). В одном предложении трижды (в том числе два раза почти подряд) употребляются слова, связанные с чистотой. Очищение от грязи и наведение чистоты в контексте повести противопоставлены *нечистой* силе, тем более что дырочка в тыкве (см. выше) вводит мотив пустоты. Это свойство в данном случае возникает в результате устранения мякоти — в отличие от самодовлеющей пустоты, связанной с нечистой силой. Затем именно чумаки выступают как невольные двигатели сюжета, так как дед, решивший «прихвастнуть пред чумаками» (311) пускается в пляс и натывается на заколдованное место.

Далее, уже без звуковых переключек, мотив нечистоты (намекающий на нечистую силу) дважды проявляет себя в истории с поиском клада. Сначала мать героя по ошибке выливает помой на деда, возвращающегося с котлом, где, как он полагал, содержался клад. Потом в самом котле оказывается «сор, дрязг... стыдно сказать, что такое» (315), после чего дед даже вынужден помыть руки. Мотив сора, грязи продолжается почти до самого конца повести: «А то проклятое место, где не вытанцовалось, загородил плетнем, велел кидать всё, что ни есть непотребного, весь бурьян и сор, который выгробал из баштана» (315–316).

РОЛЬ СЛОВА

Использование слова в ЗМ постоянно сталкивается с какими-то препятствиями в его реализации или неправильностями при произнесении. Первое предложение в произведении — «Ей богу, уже надоело рассказывать!» (309). Далее рассказчик жалуется на то, что слушатели ведут себя неадекватно: сами напросились, а не слушают. В волшебном мире представители нечистой силы сначала копируют слова деда, потом — искажают: причем, когда они реагируют на слова деда во второй раз, от его фразы они будто бы «откусывают» по слову.

О том, как слово использует нечистая сила, упоминает сам дед: «...„И не думайте!“ говорил он часто нам: „всё, что ни скажет враг господу Христу, всё солжет, собачий сын! У него правды и на копейку нет!“» (315). Дело, однако, в том, что в сюжете произведения сам черт не говорит вообще ничего, и даже более того — он остается невидим. При первом контакте с заколдованным местом «сзади кто-то засмеялся» (311); потом представители нечистой силы лишь откликаются на слова самого деда, копируя или искажая их. Такой черт может рассматриваться как предвестник неявной фантастики, далее утвердившейся в творчестве Гоголя.¹ С одной стороны, он еще принимает непосредственное участие в событиях; с другой — он уже не виден и не слышен напрямую.²

Слово в ЗМ ослаблено. Герой честит черта последними словами, но ему это не помогает. В окружении представителей нечистой силы (сцена при поиске клада) слово просто обесмысливается. В итоге оказывается, что черт побеждает даже без слов.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Несмотря на всю комичность ЗМ и отсутствие трагических последствий для героя из-за вмешательства нечистой силы, ее присутствие и эффективность остаются значимыми факторами, как и в других произведениях «Вечеров» — одоления черта не происходит. В общем контексте гоголевского творчества в ЗМ можно увидеть промежуточный пункт на пути к другим особенностям поэтики Гоголя, которые в полной мере проявят себя позже: проблема бессильного слова во весь рост предстанет в «Вие»,³ а завуалированная фантастика — в «Носе», где также развернутся мотивы пустоты и гладкого места.

¹ Манн Ю. В. Творчество Гоголя: Смысл и форма. С. 63–73.

² Промежуточное положение на пути к неявной (завуалированной) фантастике занимает в «Вечерах» и «Пропавшая грамота»: в ней нечистая сила сначала проявляет себя в явном виде, а затем ее следы остаются в доме героя уже без ее непосредственного вмешательства. См. об этом Заславский О. Б. Слово и сюжет в «Пропавшей грамоте» Н. В. Гоголя. С. 108.

³ Заславский О. Б. Проблема слова в повести Н. В. Гоголя «Вий» // Wiener Slawistischer Almanach. 1997. Bd 39. S. 5–22.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Ищук-Фадеева Н. И.* Все/всё в повестях Н. В. Гоголя: От слова к образу мира. М., 2014.
2. *Заславский О. Б.* Проблема слова в повести Н. В. Гоголя «Вий» // Wiener Slawistischer Almanach. 1997. Bd 39. S. 5–22.
3. *Заславский О. Б.* Зло в «Вие»: Структура мира и структура текста // Известия РАН. Серия литературы и языка. 2018. Т. 77. № 5. С. 37–51.
4. *Заславский О. Б.* Слово и сюжет в «Пропавшей грамоте» Н. В. Гоголя // Сюжетология и сюжетография. 2018. Т. 83. № 1. С. 105–120.
5. *Лотман Ю. М.* Проблема художественного пространства в прозе Гоголя. // Лотман Ю. М. Избранные статьи: В 3-х т. Таллинн, 1992. Т. 1. С. 413–447.
6. *Манн Ю. В.* Творчество Гоголя: Смысл и форма. СПб., 2007.
7. *Вайскопф М. Я.* Сюжет Гоголя: Морфология, идеология, контекст. 2-е изд., испр. и расшир. М., 2002.

REFERENCES

1. *Ishhuk-Fadeeva N. I.* Vse/vsjo v povestjakh N. V. Gogolja: Ot slova k obrazu mira M., 2014. (In Russ.)
2. *Lotman Yu. M.* Problema khudozhestvennogo prostranstva v proze Gogolya. // Lotman Yu. M. Izbrannye stat'i: In 3 vol. Tallinn, 1992. Vol. 1. P. 413–447. (In Russ.)
3. *Mann Yu. V.* Tvorchestvo Gogolya: Smysl i forma. SPb., 2007. (In Russ.)
4. *Weisskopf M. Ya.* Syuzhet Gogolya: Morfologiya, ideologiya, kontekst. M., 2002. (In Russ.)
5. *Zaslavskii O. B.* Problema slova v povesti N. V. Gogolya “Viy” // Wiener Slawistischer Almanach. 1997. Band 39. S. 5–22. (In Russ.)
6. *Zaslavskij O. B.* Slovo i syuzhet v “Propavshej gramote” N. V. Gogolya // Syuzhetologiya i syuzhetografiya. 2018. Vol. 83. № 1. P. 105–120. (In Russ.)
7. *Zaslavskij O. B.* Zlo v “Vie”: Struktura mira i struktura teksta // Izvestiya RAN. Seriya literatury i yazyka. 2018. T. 77. № 5. P. 37–51. (In Russ.)